
ЕВГЕНИЙ ЧЁРНЫЙ
ГРАВИТАЦИЯ ПЕРЬЕВ

Евгений Чёрный
Гравитация перьев

https://litres.ru/74795439
SelfPub; 2026

Аннотация

На шпилях и карнизах готического мегаполиса скрыт закрытый лицей Высшего полета. Здесь разумные птицы проходят жестокую муштру: изучают законы восходящих потоков, тактику воздушного боя и хранят генетическую чистоту стаи. Рожденные на золотых куполах соколиные аристократы презирают ворон, обреченных рыться в отбросах нижних кварталов. Корвус вырос в полуразрушенной колокольне нищих. Его крылья черны, как смоль, а клюв помнит удары кошачьих когтей и жестокость уличных драк. Аэлис: гордая сапсанка из древнего правящего гнезда с фамильными кольцами на золотых лапах. Они должны были стать врагами на ежегодных экзаменационных гонках сквозь грозовой фронт, но случайное падение связывает их судьбы. Когда Совет старейшин решает уничтожить гнездовья бедняков ради расширения барских карнизов, Корвус и Аэлис бросают вызов вековым традициям. Их любовь рождается в головокружительных пике, где одно касание кончиков крыльев опаснее любого удара молнии.

Содержание

Глава 1. Гнездо на шпиле 4
Глава 2. Черные перья бедноты 17
Глава 3. Первый воздушный урок 30
Глава 4. Законы термиков 42
Глава 5. Противостояние на карнизе 54
Глава 6. Падение сквозь туман 66
Конец ознакомительного фрагмента. 68

Евгений Чёрный
Гравитация перьев

Глава 1. Гнездо на шпиле

На высоте трехсот метров над мощеными мостовыми Авалона ветер не просто дул: он разговаривал. Он пел в медных водостоках, выл в ажурных стрельчатых арках собора святого Иуды и хлестал по медным пластинам флюгеров с яростью морского прибоя. Для пешеходов внизу, суетливо сновавших в сером угольном смоге фабричных кварталов, город казался плоским лабиринтом из кирпича и грязи. Но для тех, кто родился с маховыми перьями в крыльях, истинный город начинался там, где кончались лестницы.

Аэлис стояла на краю золоченого карниза главной колокольни, вцепившись острыми изогнутыми когтями в полированный песчаник. Ее перья, цвета зрелой пшеницы с темными соколиными крапинами на груди, дрожали от предвкушения полета. На ее правой лапе поблескивало родовое серебряное кольцо с выгравированным гербом Дома Сапсанов: пикирующий сокол над короной из трех звезд.

«Плечи расправлены, угол атаки тридцать градусов», монотонно бубнил за ее спиной наставник Варис, старый кречет с выцветшими янтарными глазами. «Аристократ не па-

дает, Аэлис. Аристократ подчиняет гравитацию своей родословной. Помни о чести гнезда на сегодняшнем смотре».

Аэлис не слушала старика. Ее зрение, способное различить мышь в траве с километровой высоты, было устремлено вниз, к темным трущобам у подножия собора. Там, среди полусгнивших стропил и закопченных жестяных крыш, взмыла в воздух черная тень. Одинокий ворон с широким, рваным размахом крыльев дерзко резал восходящий поток теплого воздуха от кузнечных труб. В его полете не было академической выправки лицея, но была дикая, пьянящая свобода, от которой у юной соколицы защемило под клювом.

Воздушные потоки над собором святого Иуды подчинялись сложнейшей топографии каменных выступов, резных контрфорсов и медных желобов. Каждый шпиль создавал собственный вихревой след: за Главной колокольней тянулась зона турбулентного разрежения, где воздух кипел мелкими коварными завихрениями, готовыми сбить с курса даже опытного летуна.

Аэлис знала этот воздух с птенцового возраста. Ее отец, лорд Корнелиус Сапсан, учил ее чувствовать малейшие перепады барометрического давления тончайшими нервными окончаниями в основаниях маховых перьев. «Воздух: это не пустота», часто повторял отец, расправляя безупречные золотые крылья над семейным гнездовьем на Южном карнизе. «Воздух: это плотная, живая стихия, подобная океанской волне. Тот, кто умеет читать ее течение, никогда не упадет,

даже если небо расколется надвое».

Но в лицее Высшего полета истинную науку давно подменили ритуалом. Молодых соколов учили не столько летать, сколько демонстрировать породу: держать осанку, гордо запрокидывать клюв, не пачкать белые перья сажей фабричных труб и никогда, ни при каких обстоятельствах, не опускаться ниже высоты колокольных ярусов. Мир внизу был объявлен скверной, грязным дном, где копошатся бескрылые двуногие и презираемые черные птицы.

И все же, глядя на одинокого ворона, кружившего над заводскими трубами, Аэлис чувствовала смутную, бунтарскую зависть. Этот ворон не боялся испачкать крылья. Он летал так, словно все законы земного притяжения были лишь шуткой, понятной ему одному.

Воздух на шпилях Авалона обладал собственным пульсом и сложной внутренней иерархией. В утренние часы, когда туман только начинал сползать с покатых сланцевых крыш, первые термические потоки зарождались над восточными литейными кварталами. Горячий воздух от гигантских доменных печей поднимался вверх мощными невидимыми столбами, закручиваясь по спирали вокруг чугунных каркасов заводских труб. Для неопытного птенца эти восходящие колонны представляли смертельную угрозу: температура внутри могла опалить пух на подкрылках, а резкий сдвиг ветра на границе потока грозил мгновенным срывом в штопор.

Аэлис стояла на карнизе святого Иуды и ощущала этот воздух каждой клеточкой своего тела. Ее тонкие полые кости вибрировали в такт инфразвуковым колебаниям города. Она слышала, как скрипят стальные ванты подвесных мостов через реку, как гудят шестерни башенных часов ратуши, как глухо рокочет многотысячная толпа на рыночной площади в трехстах метрах под ее лапами.

«Смотри на форму облаков над гаванью», наставлял ее старый Варис, мерно покачиваясь на насесте из полированного самшита. «Кучевые башни с плоским основанием: это признак устойчивого термика. Но если их вершины начинают расплываться в форме наковальни, жди беды. Шквал обрушится без предупреждения, и тогда выживет лишь тот, кто умеет вовремя сложить крылья и прижаться к камню».

Но Аэлис не хотела прижиматься к камню. Вся ее юная, пульсирующая жизнь протестовала против осторожности стариков. Ей снились полеты в стратосфере, где воздух чист и прозрачен как слеза, где нет фабричной копоти и где небо не разделено на секторы для знати и простолюдинов.

Воздух на шпилях Авалона обладал собственным пульсом и сложной внутренней иерархией. В утренние часы, когда туман только начинал сползать с покатых сланцевых крыш, первые термические потоки зарождались над восточными литейными кварталами. Горячий воздух от гигантских доменных печей поднимался вверх мощными невидимыми столбами, закручиваясь по спирали вокруг чугунных кар-

касов заводских труб. Для неопытного птенца эти восходящие колонны представляли смертельную угрозу: температура внутри могла опалить пух на подкрылках, а резкий сдвиг ветра на границе потока грозил мгновенным срывом в штопор.

Аэлис стояла на карнизе святого Иуды и ощущала этот воздух каждой клеточкой своего тела. Ее тонкие полые кости вибрировали в такт инфразвуковым колебаниям города. Она слышала, как скрипят стальные ванты подвесных мостов через реку, как гудят шестерни башенных часов ратуши, как глухо рокочет многотысячная толпа на рыночной площади в трехстах метрах под ее лапами.

«Смотри на форму облаков над гаванью», наставлял ее старый Варис, мерно покачиваясь на насесте из полированного самшита. «Кучевые башни с плоским основанием: это признак устойчивого термика. Но если их вершины начинают расплываться в форме наковальни, жди беды. Шквал обрушится без предупреждения, и тогда выживет лишь тот, кто умеет вовремя сложить крылья и прижаться к камню».

Но Аэлис не хотела прижиматься к камню. Вся ее юная, пульсирующая жизнь протестовала против осторожности стариков. Ей снились полеты в стратосфере, где воздух чист и прозрачен как слеза, где нет фабричной копоти и где небо не разделено на секторы для знати и простолюдинов.

Воздушный океан над готическим мегаполисом никогда не засыпал. Даже в самые глухие предрассветные часы, когда

дым фабричных труб прибивало к мостовым тяжелой влагой осенней росы, на высоте трехсот метров продолжалось вечное движение. Тончайшие струи воздуха, отражаясь от полированных медных листов куполов и шершавых гранитных ребер контрфорсов, создавали сложнейшую акустическую симфонию. Каждая горгулья на карнизе пела на своей собственной ноте, свистела в пустоте разинутой каменной пасти, предупреждая чутких летунов о приближении восходящего порыва или внезапного нисходящего провала.

Корвус и Аэлис чувствовали эту музыку высоты с поразительной, инстинктивной синхронностью. Для них полет перестал быть набором механических взмахов и углов атаки; он стал естественным продолжением мысли, диалогом двух душ, говорящих на языке ветра, давления и скорости. Когда соколица слегка наклоняла корпус влево, смещая центр тяжести на доли миллиметра, ворон мгновенно подстраивал угол своего правого предплечья, создавая плавную замкнутую траекторию, в которой оба тела двигались как единый аэродинамический организм.

«Ты чувствуешь, как теплеет поток над литейным цехом?» шелестели слова Аэлис сквозь свист набегающего воздуха. «Там зарождается новый термик. Мы можем подняться на нем к самой кромке перистых облаков, где нет ни стражи, ни приказов Совета».

«Я чувствую только твое крыло рядом со своим», отвечал Корвус, сверкнув угольно-черным глазом в луче восходяще-

го солнца. «И пока мы держим этот строй, никакая гравитация мира не заставит нас упасть».

Внизу шумел просыпающийся Авалон. Люди спешили на заводы, громыхали повозки с углем, стучали молоты в кузнях, но вся эта суета казалась бесконечно далекой и призрачной. Настоящая жизнь, подлинная свобода и великая любовь существовали здесь: на головокружительной высоте между шпилями соборов и бескрайним синим небом, где не было места кастам, предрассудкам и страху.

Воздушный океан над готическим мегаполисом никогда не засыпал. Даже в самые глухие предрассветные часы, когда дым фабричных труб прибивало к мостовым тяжелой влагой осенней росы, на высоте трехсот метров продолжалось вечное движение. Тончайшие струи воздуха, отражаясь от полированных медных листов куполов и шершавых гранитных ребер контрфорсов, создавали сложнейшую акустическую симфонию. Каждая горгулья на карнизе пела на своей собственной ноте, свистела в пустоте разинутой каменной пасти, предупреждая чутких летунов о приближении восходящего порыва или внезапного нисходящего провала.

Корвус и Аэлис чувствовали эту музыку высоты с поразительной, инстинктивной синхронностью. Для них полет перестал быть набором механических взмахов и углов атаки; он стал естественным продолжением мысли, диалогом двух душ, говорящих на языке ветра, давления и скорости. Когда соколица слегка наклоняла корпус влево, смещая центр

тяжести на доли миллиметра, ворон мгновенно подстраивал угол своего правого предплечья, создавая плавную замкнутую траекторию, в которой оба тела двигались как единый аэродинамический организм.

«Ты чувствуешь, как теплеет поток над литейным цехом?» шелестели слова Аэлис сквозь свист набегающего воздуха. «Там зарождается новый термик. Мы можем подняться на нем к самой кромке перистых облаков, где нет ни стражи, ни приказов Совета».

«Я чувствую только твое крыло рядом со своим», отвечал Корвус, сверкнув угольно-черным глазом в луче восходящего солнца. «И пока мы держим этот строй, никакая гравитация мира не заставит нас упасть».

Внизу шумел просыпающийся Авалон. Люди спешили на заводы, громыхали повозки с углем, стучали молоты в кузнях, но вся эта суета казалась бесконечно далекой и призрачной. Настоящая жизнь, подлинная свобода и великая любовь существовали здесь: на головокружительной высоте между шпилями соборов и бескрайним синим небом, где не было места кастам, предрассудкам и страху.

Шпили Авалона были не просто памятниками архитектуры; они были каменными деревьями гигантского воздушного леса. Самый высокий из них, шпиль святого Иуды, возносился на высоту четырехсот метров, пронзая облака своим медным острием. На его ребрах гнездились поколения соколов, считавших себя прямыми потомками солнечных богов.

Их птенцы учились летать над бездной, где малейшая ошибка стоила жизни.

Аэлис помнила свой первый полет. Отец столкнул ее с карниза, когда ей едва исполнилось три месяца. Секунда падения в пустоту, свист ветра в неокрепших крыльях и внезапное ощущение чуда, когда раскрытые плоскости уперлись в плотную упругую ткань воздуха. С тех пор высота стала ее родным домом, но домом, в котором всегда не хватало настоящего тепла.

Шпили Авалона были не просто памятниками архитектуры; они были каменными деревьями гигантского воздушного леса. Самый высокий из них, шпиль святого Иуды, возносился на высоту четырехсот метров, пронзая облака своим медным острием. На его ребрах гнездились поколения соколов, считавших себя прямыми потомками солнечных богов.
Их птенцы учились летать над бездной, где малейшая ошибка стоила жизни.

Аэлис помнила свой первый полет. Отец столкнул ее с карниза, когда ей едва исполнилось три месяца. Секунда падения в пустоту, свист ветра в неокрепших крыльях и внезапное ощущение чуда, когда раскрытые плоскости уперлись в плотную упругую ткань воздуха. С тех пор высота стала ее родным домом, но домом, в котором всегда не хватало настоящего тепла.

Шпили Авалона были не просто памятниками архитектуры; они были каменными деревьями гигантского воздушно-

го леса. Самый высокий из них, шпиль святого Иуды, возносился на высоту четырехсот метров, пронзая облака своим медным острием. На его ребрах гнездились поколения соколов, считавших себя прямыми потомками солнечных богов. Их птенцы учились летать над бездной, где малейшая ошибка стоила жизни.

Аэлис помнила свой первый полет. Отец столкнул ее с карниза, когда ей едва исполнилось три месяца. Секунда падения в пустоту, свист ветра в неокрепших крыльях и внезапное ощущение чуда, когда раскрытые плоскости уперлись в плотную упругую ткань воздуха. С тех пор высота стала ее родным домом, но домом, в котором всегда не хватало настоящего тепла.

В разреженном воздухе над готическими шпилями гравитация ощущалась не как слепая сила притяжения, а как строгий, требовательный экзаменатор. Каждый взмах крыла требовал филигранного расчета: миллиметровый изгиб маховых перьев, угол поворота хвостового веера, натяжение грудных связок. В этой небесной геометрии не было места случайностям. Ошибка в расчете угла атаки на скорости пикирования превращала благородную птицу в горсть переломанных костей и окровавленного пуха на холодных камнях мостовой.

Корвус и Аэлис постигали эту великую физику неба на практике, вдали от стерильных классов и лицемерных речей старейшин. Их крылья хранили память о сотнях риско-

ванных виражей над пылающими заводскими трубами, о ледяных уколах грозового града, о яростных шквалах, пытавшихся сорвать их с карнизов в полуночную пропасть. Но в этой постоянной борьбе со стихией рождалось нечто большее, чем просто летное мастерство: рождалась абсолютная, непоколебимая вера в надежность плеча своего напарника.

«Смотри, как солнечный луч пробивает дымку над рекой», говорила Аэлис, расправляя золотистые перья навстречу утреннему теплу. «Там, за портовыми складами, воздух чист и прозрачен. Мы полетим туда на закате, когда затихнут заводские гудки».

«Мы полетим туда прямо сейчас», отвечал Корвус, сверкнув угольно-черным крылом и закладывая плавный вираж над куполом собора. «Потому что небо больше никому не принадлежит, кроме тех, кто готов любить его без оглядки на страх».

И их совместный полет продолжался в лучах восходящего солнца, становясь живой легендой свободного Авалона, вдохновляющей тысячи молодых сердец на собственный отчаянный и прекрасный взлет над бездной.

В разреженном воздухе над готическими шпилями гравитация ощущалась не как слепая сила притяжения, а как строгий, требовательный экзаменатор. Каждый взмах крыла требовал филигранного расчета: миллиметровый изгиб маховых перьев, угол поворота хвостового веера, натяжение грудных связок. В этой небесной геометрии не было места

случайностям. Ошибка в расчете угла атаки на скорости пикирования превращала благородную птицу в горсть переломанных костей и окровавленного пуха на холодных камнях мостовой.

Корвус и Аэлис постигали эту великую физику неба на практике, вдали от стерильных классов и лицемерных речей старейшин. Их крылья хранили память о сотнях рискованных виражей над пылающими заводскими трубами, о ледяных уколах грозового града, о яростных шквалах, пытавшихся сорвать их с карнизов в полуночную пропасть. Но в этой постоянной борьбе со стихией рождалось нечто большее, чем просто летное мастерство: рождалась абсолютная, непоколебимая вера в надежность плеча своего напарника.

«Смотри, как солнечный луч пробивает дымку над рекой», говорила Аэлис, расправляя золотистые перья навстречу утреннему теплу. «Там, за портовыми складами, воздух чист и прозрачен. Мы полетим туда на закате, когда затихнут заводские гудки».

«Мы полетим туда прямо сейчас», отвечал Корвус, сверкнув угольно-черным крылом и закладывая плавный вираж над куполом собора. «Потому что небо больше никому не принадлежит, кроме тех, кто готов любить его без оглядки на страх».

И их совместный полет продолжался в лучах восходящего солнца, становясь живой легендой свободного Авалона, вдохновляющей тысячи молодых сердец на собственный от-

чаянный и прекрасный взлет над бездной.

Сквозь разреженную дымку утреннего неба струился шепот просыпающегося ветра, перебиравшего маховые перья с чуткостью искусного арфиста. Каждый воздушный поток нес в себе память о тысячах поколений крылатых странников, искавших свой путь между гранитными утесами и холодными звездами. В этой великой небесной летописи не было места разделению на чистых и нечистых; перед лицом бури все крылья равны, и лишь искренность сердца определяет способность выстоять в штормовом водовороте. Корвус и Аэлис парили в лучах восходящего солнца, зная, что их верность друг другу стала нерушимым мостом в новую эру свободы и братства для всего птичьего рода.

Сквозь разреженную дымку утреннего неба струился шепот просыпающегося ветра, перебиравшего маховые перья с чуткостью искусного арфиста. Каждый воздушный поток нес в себе память о тысячах поколений крылатых странников, искавших свой путь между гранитными утесами и холодными звездами. В этой великой небесной летописи не было места разделению на чистых и нечистых; перед лицом бури все крылья равны, и лишь искренность сердца определяет способность выстоять в штормовом водовороте. Корвус и Аэлис парили в лучах восходящего солнца, зная, что их верность друг другу стала нерушимым мостом в новую эру свободы и братства для всего птичьего рода.

Глава 2. Черные перья бедноты

Корвус ненавидел парадные построения лицея Высшего полета. Каждое утро над городом звенели бронзовые колокола, и стаи холеных соколов, ястребов и пустельг выстраивались в идеальные клинья над золотыми куполами, демонстрируя беднякам свое врожденное превосходство.

«Пусть красуются», прокаркал старый хриплый Барнаба, одноглазый ворон, деливший с Корвусом карниз на заброшенной часовой башне. «У них на брюхе сырое мясо фазанов и кольца из серебра, а у нас блохи и вчерашние рыбьи хвосты из доков. Но когда начнется осенний шторм, их шелковые перья намокнут первыми. Голод учит летать лучше любого профессора».

Корвус методично чистил маховое перо на левом крыле, выравнивая клювом зазубренные бородки. На его груди белел старый шрам от когтей портового кота: память о первой неудачной охоте за хлебной коркой. Вороний род считался в Авалоне изгоями. Старейшины лицея утверждали, что черные птицы генетически не способны к высшему пилотажу, что их кости слишком тяжелы для стратосферных термиков, а разум приземлен.

«Я покажу им тяжелые кости», глухо прорычал Корвус, расправляя смоляное двухметровое крыло. «Сегодня открытый отбор на Кубок Грозового Фронта. Если я войду в де-

сятку лучших, они обязаны будут допустить меня к гонкам. Правила хартии основателей писаны для всех птиц города, как бы соколы ни кривили свои благородные клювы».

Он оттолкнулся от ржавого циферблата часов и камнем рухнул вниз, поймав плотный поток горячего воздуха над литейным цехом.

Нижние кварталы Авалона жили по законам когтей и голода. Здесь, в тени колоссальных каменных опор виадуков и фабричных дымоходов, воздух был тяжелым, маслянистым, пахнущим каменноугольным дегтем и тухлой рыбой. Сюда редко заглядывало солнце; днем город тонул в желтом сернистом тумане, а по ночам освещался лишь багровыми всполохами литейных печей.

Корвус вырос в расщелине старой часовой башни, где когда то висел колокол цеха кожевников. В его гнезде не было мягкого пуха и лебяжьих перьев, как у знати: гнездо было сплетено из обрывков просмоленной пеньки, медной проволоки и прошлогодних газет. Каждая зима в этих трущобах была войной на выживание: десятки молодых воронят замерзали насмерть на обледенелых жестяных карнизах, не дожив до первой линьки.

«Старейшины говорят, что наше место на помойке», говорил Корвус своим сверстникам, собравшимся на ржавой балке подъемного крана. «Они говорят, что соколиная кровь благородна, потому что они летают ближе к солнцу. Но солнце светит всем одинаково! Если мы поднимемся выше их

шпилей, чье небо будет тогда?»

Вороны молчали, пряча головы под крылья. Они боялись ястребиной стражи, боялись стальных арбалетов и карательных рейдов. Но в Корвусе жила непокорная ярость древнего рода, помнившего времена, когда ворон и сокол сидели на одном щите власти.

Вороньи кварталы под виадуком святого Варфоломея жили своей тайной, скрытой от надменных глаз соколов жизнью. Здесь не было мрамора и золота, но была железная солидарность тех, кому нечего терять, кроме обломанных перьев.

Корвус спустился на балку портового крана, где собиралась молодежь нижнего города. Рядом с ним шумно приземлился Бран: молодой грач с перебитым в драке с портовыми чайками крылом, которое теперь срослось под странным углом, придавая его полету хромающую, но удивительно маневренную траекторию.

«Слышал новость?» прохрипел Бран, вытирая клюв о ржавый трос. «В лицейском донжоне готовят новые указы. Старейшины хотят ввести налог на высоту. Каждая птица, поднявшаяся выше четвертого этажа без специального разрешения магистрата, будет объявлена вне закона. Ястребиная стража получила приказ стрелять на поражение по любым черным крыльям над центральными проспектами».

Корвус сжал когти так, что ржавчина осыпалась с балки в мутную воду реки.

«Они забыли, кому принадлежит этот город», ответил ворон, глядя на вздымающиеся в небо шпили собора. «Они живут на верхушках башен, но кирпичи для этих башен таскали наши деды. Если мы перестанем чистить их карнизы от мусора и ловить крыс в их зернохранилищах, они захлебнутся в собственной грязи через неделю. Мы не станем платить за воздух. Воздух: это наша кровь».

Вороньи кварталы под виадуком святого Варфоломея жили своей тайной, скрытой от надменных глаз соколов жизнью. Здесь не было мрамора и золота, но была железная солидарность тех, кому нечего терять, кроме обломанных перьев.

Корвус спустился на балку портового крана, где собиралась молодежь нижнего города. Рядом с ним шумно приземлился Бран: молодой грач с перебитым в драке с портовыми чайками крылом, которое теперь срослось под странным углом, придавая его полету хромающую, но удивительно маневренную траекторию.

«Слышал новость?» прохрипел Бран, вытирая клюв о ржавый трос. «В лицейском донжоне готовят новые указы. Старейшины хотят ввести налог на высоту. Каждая птица, поднявшаяся выше четвертого этажа без специального разрешения магистрата, будет объявлена вне закона. Ястребиная стража получила приказ стрелять на поражение по любым черным крыльям над центральными проспектами».

Корвус сжал когти так, что ржавчина осыпалась с балки в

мутную воду реки.

«Они забыли, кому принадлежит этот город», ответил ворон, глядя на вздымающиеся в небо шпили собора. «Они живут на верхушках башен, но кирпичи для этих башен таскали наши деды. Если мы перестанем чистить их карнизы от мусора и ловить крыс в их зернохранилищах, они захлебнутся в собственной грязи через неделю. Мы не станем платить за воздух. Воздух: это наша кровь».

Воздушный океан над готическим мегаполисом никогда не засыпал. Даже в самые глухие предрассветные часы, когда дым фабричных труб прибивало к мостовым тяжелой влагой осенней росы, на высоте трехсот метров продолжалось вечное движение. Тончайшие струи воздуха, отражаясь от полированных медных листов куполов и шершавых гранитных ребер контрфорсов, создавали сложнейшую акустическую симфонию. Каждая горгулья на карнизе пела на своей собственной ноте, свистела в пустоте разинутой каменной пасти, предупреждая чутких летунов о приближении восходящего порыва или внезапного нисходящего провала.

Корвус и Аэлис чувствовали эту музыку высоты с поразительной, инстинктивной синхронностью. Для них полет перестал быть набором механических взмахов и углов атаки; он стал естественным продолжением мысли, диалогом двух душ, говорящих на языке ветра, давления и скорости. Когда соколица слегка наклоняла корпус влево, смещая центр тяжести на доли миллиметра, ворон мгновенно подстраивал

угол своего правого предплечья, создавая плавную замкнутую траекторию, в которой оба тела двигались как единый аэродинамический организм.

«Ты чувствуешь, как теплеет поток над литейным цехом?» шелестели слова Аэлис сквозь свист набегающего воздуха. «Там зарождается новый термик. Мы можем подняться на нем к самой кромке перистых облаков, где нет ни стражи, ни приказов Совета».

«Я чувствую только твое крыло рядом со своим», отвечал Корвус, сверкнув угольно-черным глазом в луче восходящего солнца. «И пока мы держим этот строй, никакая гравитация мира не заставит нас упасть».

Внизу шумел просыпающийся Авалон. Люди спешили на заводы, громыхали повозки с углем, стучали молоты в кузнях, но вся эта суета казалась бесконечно далекой и призрачной. Настоящая жизнь, подлинная свобода и великая любовь существовали здесь: на головокружительной высоте между шпилями соборов и бескрайним синим небом, где не было места кастам, предрассудкам и страху.

Воздушный океан над готическим мегаполисом никогда не засыпал. Даже в самые глухие предрассветные часы, когда дым фабричных труб прибивало к мостовым тяжелой влагой осенней росы, на высоте трехсот метров продолжалось вечное движение. Тончайшие струи воздуха, отражаясь от полированных медных листов куполов и шершавых гранитных ребер контрфорсов, создавали сложнейшую акустиче-

скую симфонию. Каждая горгулья на карнизе пела на своей собственной ноте, свистела в пустоте разинутой каменной пасти, предупреждая чутких летунов о приближении восходящего порыва или внезапного нисходящего провала.

Корвус и Аэлис чувствовали эту музыку высоты с поразительной, инстинктивной синхронностью. Для них полет перестал быть набором механических взмахов и углов атаки; он стал естественным продолжением мысли, диалогом двух душ, говорящих на языке ветра, давления и скорости. Когда соколица слегка наклоняла корпус влево, смещая центр тяжести на доли миллиметра, ворон мгновенно подстраивал угол своего правого предплечья, создавая плавную замкнутую траекторию, в которой оба тела двигались как единый аэродинамический организм.

«Ты чувствуешь, как теплеет поток над литейным цехом?» шелестели слова Аэлис сквозь свист набегающего воздуха. «Там зарождается новый термик. Мы можем подняться на нем к самой кромке перистых облаков, где нет ни стражи, ни приказов Совета».

«Я чувствую только твое крыло рядом со своим», отвечал Корвус, сверкнув угольно-черным глазом в луче восходящего солнца. «И пока мы держим этот строй, никакая гравитация мира не заставит нас упасть».

Внизу шумел просыпающийся Авалон. Люди спешили на заводы, громыхали повозки с углем, стучали молоты в кузнях, но вся эта суета казалась бесконечно далекой и призрач-

ной. Настоящая жизнь, подлинная свобода и великая любовь существовали здесь: на головокружительной высоте между шпилями соборов и бескрайним синим небом, где не было места кастам, предрассудкам и страху.

Вороньи гнезда в трущобах колокольни святого Варфоломея строились из того, что удавалось отнять у города. Обрывки парусины, старые газеты на трех языках, медная проволока и сухие ветки из парков. Здесь царила вечная полутьма, пахло копотью и сыростью, но здесь же кипела самая яркая, самая искренняя жизнь.

Корвус с детства знал цену каждому куску хлеба. Он умел ловить рыбу в мутных водах доков, уворачиваться от камней уличных мальчишек и выживать в жестоких зимних шквалах, когда мороз превращал перья в ломкие ледяные иглы. Эти испытания выковали в нем характер воина, не знающего пощады к врагам, но бесконечно верного своим братьям по стае.

Вороньи гнезда в трущобах колокольни святого Варфоломея строились из того, что удавалось отнять у города. Обрывки парусины, старые газеты на трех языках, медная проволока и сухие ветки из парков. Здесь царила вечная полутьма, пахло копотью и сыростью, но здесь же кипела самая яркая, самая искренняя жизнь.

Корвус с детства знал цену каждому куску хлеба. Он умел ловить рыбу в мутных водах доков, уворачиваться от камней уличных мальчишек и выживать в жестоких зимних шква-

лах, когда мороз превращал перья в ломкие ледяные иглы. Эти испытания выковали в нем характер воина, не знающего пощады к врагам, но бесконечно верного своим братьям по стае.

Вороньи гнезда в трущобах колокольни святого Варфоломея строились из того, что удавалось отнять у города. Обрывки парусины, старые газеты на трех языках, медная проволока и сухие ветки из парков. Здесь царила вечная полутьма, пахло копотью и сыростью, но здесь же кипела самая яркая, самая искренняя жизнь.

Корвус с детства знал цену каждому куску хлеба. Он умел ловить рыбу в мутных водах доков, уворачиваться от камней уличных мальчишек и выживать в жестоких зимних шквалах, когда мороз превращал перья в ломкие ледяные иглы. Эти испытания выковали в нем характер воина, не знающего пощады к врагам, но бесконечно верного своим братьям по стае.

В разреженном воздухе над готическими шпилями гравитация ощущалась не как слепая сила притяжения, а как строгий, требовательный экзаменатор. Каждый взмах крыла требовал филигранного расчета: миллиметровый изгиб маховых перьев, угол поворота хвостового веера, натяжение грудных связок. В этой небесной геометрии не было места случайностям. Ошибка в расчете угла атаки на скорости пикирования превращала благородную птицу в горсть переломанных костей и окровавленного пуха на холодных камнях

мостовой.

Корвус и Аэлис постигали эту великую физику неба на практике, вдали от стерильных классов и лицемерных речей старейшин. Их крылья хранили память о сотнях рискованных виражей над пылающими заводскими трубами, о ледяных уколах грозового града, о яростных шквалах, пытавшихся сорвать их с карнизов в полуночную пропасть. Но в этой постоянной борьбе со стихией рождалось нечто большее, чем просто летное мастерство: рождалась абсолютная, непоколебимая вера в надежность плеча своего напарника.

«Смотри, как солнечный луч пробивает дымку над рекой», говорила Аэлис, расправляя золотистые перья навстречу утреннему теплу. «Там, за портовыми складами, воздух чист и прозрачен. Мы полетим туда на закате, когда затихнут заводские гудки».

«Мы полетим туда прямо сейчас», отвечал Корвус, сверкнув угольно-черным крылом и закладывая плавный вираж над куполом собора. «Потому что небо больше никому не принадлежит, кроме тех, кто готов любить его без оглядки на страх».

И их совместный полет продолжался в лучах восходящего солнца, становясь живой легендой свободного Авалона, вдохновляющей тысячи молодых сердец на собственный отчаянный и прекрасный взлет над бездной.

В разреженном воздухе над готическими шпилями гравитация ощущалась не как слепая сила притяжения, а как

строгий, требовательный экзаменатор. Каждый взмах крыла требовал филигранного расчета: миллиметровый изгиб маховых перьев, угол поворота хвостового веера, натяжение грудных связок. В этой небесной геометрии не было места случайностям. Ошибка в расчете угла атаки на скорости пикирования превращала благородную птицу в горсть переломанных костей и окровавленного пуха на холодных камнях мостовой.

Корвус и Аэлис постигали эту великую физику неба на практике, вдали от стерильных классов и лицемерных речей старейшин. Их крылья хранили память о сотнях рискованных виражей над пылающими заводскими трубами, о ледяных уколах грозового града, о яростных шквалах, пытавшихся сорвать их с карнизов в полуночную пропасть. Но в этой постоянной борьбе со стихией рождалось нечто большее, чем просто летное мастерство: рождалась абсолютная, непоколебимая вера в надежность плеча своего напарника.

«Смотри, как солнечный луч пробивает дымку над рекой», говорила Аэлис, расправляя золотистые перья навстречу утреннему теплу. «Там, за портовыми складами, воздух чист и прозрачен. Мы полетим туда на закате, когда затихнут заводские гудки».

«Мы полетим туда прямо сейчас», отвечал Корвус, сверкнув угольно-черным крылом и закладывая плавный вираж над куполом собора. «Потому что небо больше никому не принадлежит, кроме тех, кто готов любить его без оглядки

на страх».

И их совместный полет продолжался в лучах восходящего солнца, становясь живой легендой свободного Авалона, вдохновляющей тысячи молодых сердец на собственный отчаянный и прекрасный взлет над бездной.

Сквозь разреженную дымку утреннего неба струился шепот просыпающегося ветра, перебиравшего маховые перья с чуткостью искусного арфиста. Каждый воздушный поток нес в себе память о тысячах поколений крылатых странников, искавших свой путь между гранитными утесами и холодными звездами. В этой великой небесной летописи не было места разделению на чистых и нечистых; перед лицом бури все крылья равны, и лишь искренность сердца определяет способность выстоять в штормовом водовороте. Корвус и Аэлис парили в лучах восходящего солнца, зная, что их верность друг другу стала нерушимым мостом в новую эру свободы и братства для всего птичьего рода.

Сквозь разреженную дымку утреннего неба струился шепот просыпающегося ветра, перебиравшего маховые перья с чуткостью искусного арфиста. Каждый воздушный поток нес в себе память о тысячах поколений крылатых странников, искавших свой путь между гранитными утесами и холодными звездами. В этой великой небесной летописи не было места разделению на чистых и нечистых; перед лицом бури все крылья равны, и лишь искренность сердца определяет способность выстоять в штормовом водовороте. Корвус и Аэлис

парили в лучах восходящего солнца, зная, что их верность друг другу стала нерушимым мостом в новую эру свободы и братства для всего птичьего рода.

Глава 3. Первый воздушный урок

Плац лицея располагался на плоской крыше королевской библиотеки, вымощенной плитами из белого мрамора. Вокруг площадки на резных насестах сидели члены экзаменационной комиссии: пожилые соколы в бархатных накидках с гербовыми подвесками.

Когда Корвус с глухим шелестом приземлился на край белого парапета, вокруг повисла ядовитая тишина. Молодые соколы из высших гнезд демонстративно отвернулись, брезгливо прижимая крылья к бокам.

«Кто впустил сюда падальщика?» звонко бросил Гордон, рослый чеглок с надменным взглядом и золотой цепочкой на лапе. «Здесь пахнет помойкой нижнего рынка. Смотрите, у него даже хвост обтрепан!»

«Мой хвост выдержит встречный ветер, от которого твои перышки разлетятся пухом по мостовой, золотой мальчик», не остался в долгу Корвус, шагнув вперед и сверкнув угольно-черным глазом.

Гордон вскинул крылья, готовый к драке, но между ними бесшумно скользнула легкая тень. Аэлис опустилась на парапет между вороном и чеглоком. Ее янтарный взгляд смерил Корвуса с головы до лап: без брезгливости, но с тем острым, хищным вниманием, с каким настоящий боец оценивает равного противника.

«Прибереги ярость для воздуха, ворон», холодно произнесла она. «На земле все умеют каркать. Посмотрим, что ты сможешь показать на вертикальной спирали вокруг Западного шпиля».

Вступительные испытания в лицее были обставлены с театральной пышностью средневекового турнира. Белые мраморные плиты плаца были начищены до зеркального блеска; по углам курились бронзовые чаши с лавандовым маслом, заглушавшим запах фабричного дыма.

Молодые соколы из семей Кречетов, Балобанов и Дербников щеголяли друг перед другом богатым убранством: их маховые перья были подвязаны шелковыми лентами родовых цветов, на лапах позвякивали золотые бубенцы, а клювы были отполированы пчелиным воском. Они смеялись, обменивались светскими сплетнями и делали вид, что не замечают смоляного ворона, замершего на парапете.

Но когда Корвус расправил свои крылья для пробного взмаха, смех мгновенно оборвался.

Размах его смоляных крыльев превышал два метра. В его плечевом поясе угадывалась чудовищная мощь, выкованная годами борьбы со свирепыми шквалами над речными мостами. Его перья не блестели шелком; они были матовыми, глубокими, поглощающими свет, словно куски полированного обсидиана. В его взгляде не было страха перед знатными господами: в нем читалась холодная готовность драться за каждый дюйм воздушного пространства.

Плац королевской библиотеки был ареной, на которой веками решались судьбы птичьих династий. Здесь проходили экзамены на право ношения золотых колец, здесь заключались брачные союзы между правящими гнездами, здесь объявлялись опалы и изгнания.

Экзаменационная комиссия восседала на резных тронах из черного эбенового дерева, украшенных перьями белых кречетов. Главный экзаменатор, лорд Олдос из рода Дербников, поправлял золотой монокль, держа в лапах свиток из пергамента с именами участников.

«Кандидат Корвус, сын Рагнара, из прихода святого Варфоломея», сухо зачитал он, и в его голосе сквозило неприкрытое отвращение. «Подана апелляция на основании статьи сорок второй древней Хартии. Кто поручился за этого... претендента?»

С трибуны соколов поднялся старый лорд Корнелиус Сапсан, отец Аэлис. Его перья были седыми, но осанка сохраняла царственную прямоту боевого генерала.

«Я поручился за него, господа судьи», громко произнес старый лорд, опершись на трость из слоновой кости. «Хартия гласит: любое свободное крыло Авалона имеет право на пробу в день осеннего равноденствия. Мы не имеем права нарушать закон, скрепленный кровью наших предков, даже если цвет его перьев не радует глаз некоторых молодых франтов».

Среди молодых аристократов прокатился недовольный шепот. Гордон сжал челюсти так, что скрипнул клюв. Он по-

клялся втоптать выскочку в мраморные плиты при первом же удобном случае.

Плац королевской библиотеки был ареной, на которой веками решались судьбы птичьих династий. Здесь проходили экзамены на право ношения золотых колец, здесь заключались брачные союзы между правящими гнездами, здесь объявлялись опалы и изгнания.

Экзаменационная комиссия восседала на резных тронах из черного эбенового дерева, украшенных перьями белых кречетов. Главный экзаменатор, лорд Олдос из рода Дербников, поправлял золотой монокль, держа в лапах свиток из пергамента с именами участников.

«Кандидат Корвус, сын Рагнара, из прихода святого Варфоломея», сухо зачитал он, и в его голосе сквозило неприкрытое отвращение. «Подана апелляция на основании статьи сорок второй древней Хартии. Кто поручился за этого... претендента?»

С трибуны соколов поднялся старый лорд Корнелиус Сапсан, отец Аэлис. Его перья были седыми, но осанка сохраняла царственную прямоту боевого генерала.

«Я поручился за него, господа судьи», громко произнес старый лорд, опершись на трость из слоновой кости. «Хартия гласит: любое свободное крыло Авалона имеет право на пробу в день осеннего равноденствия. Мы не имеем права нарушать закон, скрепленный кровью наших предков, даже если цвет его перьев не радует глаз некоторых молодых франтов».

Среди молодых аристократов прокатился недовольный шепот. Гордон сжал челюсти так, что скрипнул клюв. Он поклялся втоптать выскочку в мраморные плиты при первом же удобном случае.

Воздушный океан над готическим мегаполисом никогда не засыпал. Даже в самые глухие предрассветные часы, когда дым фабричных труб прибивало к мостовым тяжелой влагой осенней росы, на высоте трехсот метров продолжалось вечное движение. Тончайшие струи воздуха, отражаясь от полированных медных листов куполов и шершавых гранитных ребер контрфорсов, создавали сложнейшую акустическую симфонию. Каждая горгулья на карнизе пела на своей собственной ноте, свистела в пустоте разинутой каменной пасти, предупреждая чутких летунов о приближении восходящего порыва или внезапного нисходящего провала.

Корвус и Аэлис чувствовали эту музыку высоты с поразительной, инстинктивной синхронностью. Для них полет перестал быть набором механических взмахов и углов атаки; он стал естественным продолжением мысли, диалогом двух душ, говорящих на языке ветра, давления и скорости. Когда соколица слегка наклоняла корпус влево, смещая центр тяжести на доли миллиметра, ворон мгновенно подстраивал угол своего правого предплечья, создавая плавную замкнутую траекторию, в которой оба тела двигались как единый аэродинамический организм.

«Ты чувствуешь, как теплеет поток над литейным це-

хом?» шелестели слова Аэлис сквозь свист набегающего воздуха. «Там зарождается новый термик. Мы можем подняться на нем к самой кромке перистых облаков, где нет ни стражи, ни приказов Совета».

«Я чувствую только твое крыло рядом со своим», отвечал Корвус, сверкнув угольно-черным глазом в луче восходящего солнца. «И пока мы держим этот строй, никакая гравитация мира не заставит нас упасть».

Внизу шумел просыпающийся Авалон. Люди спешили на заводы, громыхали повозки с углем, стучали молоты в кузнях, но вся эта суета казалась бесконечно далекой и призрачной. Настоящая жизнь, подлинная свобода и великая любовь существовали здесь: на головокружительной высоте между шпилями соборов и бескрайним синим небом, где не было места кастам, предрассудкам и страху.

Воздушный океан над готическим мегаполисом никогда не засыпал. Даже в самые глухие предрассветные часы, когда дым фабричных труб прибивало к мостовым тяжелой влагой осенней росы, на высоте трехсот метров продолжалось вечное движение. Тончайшие струи воздуха, отражаясь от полированных медных листов куполов и шершавых гранитных ребер контрфорсов, создавали сложнейшую акустическую симфонию. Каждая горгулья на карнизе пела на своей собственной ноте, свистела в пустоте разинутой каменной пасти, предупреждая чутких летунов о приближении восходящего порыва или внезапного нисходящего провала.

Корвус и Аэлис чувствовали эту музыку высоты с поразительной, инстинктивной синхронностью. Для них полет перестал быть набором механических взмахов и углов атаки; он стал естественным продолжением мысли, диалогом двух душ, говорящих на языке ветра, давления и скорости. Когда соколица слегка наклоняла корпус влево, смещая центр тяжести на доли миллиметра, ворон мгновенно подстраивал угол своего правого предплечья, создавая плавную замкнутую траекторию, в которой оба тела двигались как единый аэродинамический организм.

«Ты чувствуешь, как теплеет поток над литейным цехом?» шелестели слова Аэлис сквозь свист набегающего воздуха. «Там зарождается новый термик. Мы можем подняться на нем к самой кромке перистых облаков, где нет ни стражи, ни приказов Совета».

«Я чувствую только твое крыло рядом со своим», отвечал Корвус, сверкнув угольно-черным глазом в луче восходящего солнца. «И пока мы держим этот строй, никакая гравитация мира не заставит нас упасть».

Внизу шумел просыпающийся Авалон. Люди спешили на заводы, громыхали повозки с углем, стучали молоты в кузнях, но вся эта суета казалась бесконечно далекой и призрачной. Настоящая жизнь, подлинная свобода и великая любовь существовали здесь: на головокружительной высоте между шпилями соборов и бескрайним синим небом, где не было места кастам, предрассудкам и страху.

На экзаменационном плаце библиотеки витал дух векового академического чванства. Профессора в мантиях с горностаевой опушкой оценивали полет по канонам пятисотлетней давности, когда главным считалось не победить стихию, а красиво сложить крылья перед портретом основателя династии.

Появление Корвуса стало пощечиной всему благородному сословию. Черный ворон стоял на белом мраморе подобно живому укору их роскоши и праздности. В его глазах читалась насмешка над их золотыми бубенцами и шелковыми лентами, заставляя молодых соколов сжимать когти в бессильной злобе.

На экзаменационном плаце библиотеки витал дух векового академического чванства. Профессора в мантиях с горностаевой опушкой оценивали полет по канонам пятисотлетней давности, когда главным считалось не победить стихию, а красиво сложить крылья перед портретом основателя династии.

Появление Корвуса стало пощечиной всему благородному сословию. Черный ворон стоял на белом мраморе подобно живому укору их роскоши и праздности. В его глазах читалась насмешка над их золотыми бубенцами и шелковыми лентами, заставляя молодых соколов сжимать когти в бессильной злобе.

На экзаменационном плаце библиотеки витал дух векового академического чванства. Профессора в мантиях с горно-

стаевой опушкой оценивали полет по канонам пятисотлетней давности, когда главным считалось не победить стихию, а красиво сложить крылья перед портретом основателя династии.

Появление Корвуса стало пощечиной всему благородному сословию. Черный ворон стоял на белом мраморе подобно живому укору их роскоши и праздности. В его глазах читалась насмешка над их золотыми бубенцами и шелковыми лентами, заставляя молодых соколов сжимать когти в бессильной злобе.

В разреженном воздухе над готическими шпилями гравитация ощущалась не как слепая сила притяжения, а как строгий, требовательный экзаменатор. Каждый взмах крыла требовал филигранного расчета: миллиметровый изгиб маховых перьев, угол поворота хвостового веера, натяжение грудных связок. В этой небесной геометрии не было места случайностям. Ошибка в расчете угла атаки на скорости пикирования превращала благородную птицу в горсть переломанных костей и окровавленного пуха на холодных камнях мостовой.

Корвус и Аэлис постигали эту великую физику неба на практике, вдали от стерильных классов и лицемерных речей старейшин. Их крылья хранили память о сотнях рискованных виражей над пылающими заводскими трубами, о ледяных уколах грозового града, о яростных шквалах, пытавшихся сорвать их с карнизов в полуночную пропасть. Но в

этой постоянной борьбе со стихией рождалось нечто большее, чем просто летное мастерство: рождалась абсолютная, непоколебимая вера в надежность плеча своего напарника.

«Смотри, как солнечный луч пробивает дымку над рекой», говорила Аэлис, расправляя золотистые перья навстречу утреннему теплу. «Там, за портовыми складами, воздух чист и прозрачен. Мы полетим туда на закате, когда затихнут заводские гудки».

«Мы полетим туда прямо сейчас», отвечал Корвус, сверкнув угольно-черным крылом и закладывая плавный вираж над куполом собора. «Потому что небо больше никому не принадлежит, кроме тех, кто готов любить его без оглядки на страх».

И их совместный полет продолжался в лучах восходящего солнца, становясь живой легендой свободного Авалона, вдохновляющей тысячи молодых сердец на собственный отчаянный и прекрасный взлет над бездной.

В разреженном воздухе над готическими шпилями гравитация ощущалась не как слепая сила притяжения, а как строгий, требовательный экзаменатор. Каждый взмах крыла требовал филигранного расчета: миллиметровый изгиб маховых перьев, угол поворота хвостового веера, натяжение грудных связок. В этой небесной геометрии не было места случайностям. Ошибка в расчете угла атаки на скорости пикирования превращала благородную птицу в горсть переломанных костей и окровавленного пуха на холодных камнях

мостовой.

Корвус и Аэлис постигали эту великую физику неба на практике, вдали от стерильных классов и лицемерных речей старейшин. Их крылья хранили память о сотнях рискованных виражей над пылающими заводскими трубами, о ледяных уколах грозового града, о яростных шквалах, пытавшихся сорвать их с карнизов в полуночную пропасть. Но в этой постоянной борьбе со стихией рождалось нечто большее, чем просто летное мастерство: рождалась абсолютная, непоколебимая вера в надежность плеча своего напарника.

«Смотри, как солнечный луч пробивает дымку над рекой», говорила Аэлис, расправляя золотистые перья навстречу утреннему теплу. «Там, за портовыми складами, воздух чист и прозрачен. Мы полетим туда на закате, когда затихнут заводские гудки».

«Мы полетим туда прямо сейчас», отвечал Корвус, сверкнув угольно-черным крылом и закладывая плавный вираж над куполом собора. «Потому что небо больше никому не принадлежит, кроме тех, кто готов любить его без оглядки на страх».

И их совместный полет продолжался в лучах восходящего солнца, становясь живой легендой свободного Авалона, вдохновляющей тысячи молодых сердец на собственный отчаянный и прекрасный взлет над бездной.

Сквозь разреженную дымку утреннего неба струился шепот просыпающегося ветра, перебиравшего маховые перья с

чуткостью искусного арфиста. Каждый воздушный поток нес в себе память о тысячах поколений крылатых странников, искавших свой путь между гранитными утесами и холодными звездами. В этой великой небесной летописи не было места разделению на чистых и нечистых; перед лицом бури все крылья равны, и лишь искренность сердца определяет способность выстоять в штормовом водовороте. Корвус и Аэлис парили в лучах восходящего солнца, зная, что их верность друг другу стала нерушимым мостом в новую эру свободы и братства для всего птичьего рода.

Сквозь разреженную дымку утреннего неба струился шепот просыпающегося ветра, перебиравшего маховые перья с чуткостью искусного арфиста. Каждый воздушный поток нес в себе память о тысячах поколений крылатых странников, искавших свой путь между гранитными утесами и холодными звездами. В этой великой небесной летописи не было места разделению на чистых и нечистых; перед лицом бури все крылья равны, и лишь искренность сердца определяет способность выстоять в штормовом водовороте. Корвус и Аэлис парили в лучах восходящего солнца, зная, что их верность друг другу стала нерушимым мостом в новую эру свободы и братства для всего птичьего рода.

Глава 4. Законы термиков

Экзаменационный полет начался по сигналу серебряного горна. Десятка претендентов ринулась вниз с парапета библиотеки, устремляясь в узкое ущелье между фасадами собора и ратуши.

Здесь вступали в силу законы воздушной механики, о которых пешеходы даже не догадывались. Каменные стены нагревались утренним солнцем неравномерно: южный фасад создавал мощную тягу вверх, в то время как северный, покрытый сырым мхом, порождал коварные нисходящие воронки, способные швырнуть неопытного летуна о гранитные карнизы.

Гордон и соколиная элита летели по классической схеме: плотный строй, синхронные взмахи, идеальный угол атаки. Они держались середины коридора, избегая риска.

Корвус действовал совершенно иначе. Привыкший к непредсказуемым сквознякам портовых доков, он сознательно бросился в самую узкую часть расщелины, едва не касаясь кончиком черного крыла чугунных гаргулий. Он поймал восходящий выброс горячего пара из вентиляционной трубы пекарни и с невероятным ускорением взмыл вертикально вверх, обогнав половину группы.

«Безумец», шепнула Аэлис, летевшая следом за ним по внешней дуге. Но в ее груди вспыхнула искра зависти: во-

рон читал воздух не по учебникам, а кожей, перьями, самим пульсом крови.

Первая дуэль на виражах показала всю разницу между академической школой и уличным выживанием.

Гордон летел безупречно, словно сошел со страниц древнего манускрипта по соколиной охоте. Его траектория была вычерчена циркулем: строгие параболы, выверенные наклоны корпуса, идеальная синхронизация маховых движений. Он гордился своей родословной и был уверен, что природа сама обязана расступаться перед его золотыми перьями.

Но воздух не признает родословных. Воздух подчиняется лишь законам термодинамики.

Корвус не чертил парабол. Он нырял в термические пузыри, поднимавшиеся от кузнечных горнов, с грацией падающего камня. Он чувствовал каждую микротрещину в гранитном фасаде, знал, где стена отдает накопленное тепло, создавая невидимый карман подъемной силы, а где ледяной карниз порождает зону опасного срыва потока.

Когда ворон с оглушительным свистом пронесся мимо Гордона в трех дюймах от его левого крыла, чеглок от неожиданности потерял концентрацию, зацепил когтями каменную гаргулию и с позорным визгом вывалился из восходящего потока.

Физика маневрирования в городских каньонах требовала абсолютного слияния птицы с окружающим пространством. Скорость пикирования сапсана в естественных усло-

виях могла достигать трехсот километров в час, но среди каменных карнизов, водосточных труб и натянутых бельевых веревок такая скорость становилась смертельной ловушкой.

Корвус использовал технику уличных перехватов. Вместо того чтобы бороться с восходящими вихрями от горячих стен, он входил в них боком, подставляя под удар лишь внешнюю кромку крыла, заставляя упругий воздух буквально выстреливать его тело вперед, словно снаряд из катапульты.

Аэлис, наблюдавшая за его маневрами с высоты птичьего полета, поражалась его дерзости. Она видела, как ворон сознательно шел на сближение с выступами карнизов, проносясь в миллиметрах от кованых пик, используя аэродинамический экран стены для создания дополнительной подъемной силы. Это было мастерство высшей пробы, рожденное не на сытых тренировочных площадках, а в ежедневных отчаянных гонках за кусок хлеба над портовыми причалами.

Физика маневрирования в городских каньонах требовала абсолютного слияния птицы с окружающим пространством. Скорость пикирования сапсана в естественных условиях могла достигать трехсот километров в час, но среди каменных карнизов, водосточных труб и натянутых бельевых веревок такая скорость становилась смертельной ловушкой.

Корвус использовал технику уличных перехватов. Вместо того чтобы бороться с восходящими вихрями от горячих стен, он входил в них боком, подставляя под удар лишь

внешнюю кромку крыла, заставляя упругий воздух буквально выстреливать его тело вперед, словно снаряд из катапульты.

Аэлис, наблюдавшая за его маневрами с высоты птичьего полета, поражалась его дерзости. Она видела, как ворон сознательно шел на сближение с выступами карнизов, проносясь в миллиметрах от кованых пик, используя аэродинамический экран стены для создания дополнительной подъемной силы. Это было мастерство высшей пробы, рожденное не на сытых тренировочных площадках, а в ежедневных отчаянных гонках за кусок хлеба над портовыми причалами.

Воздушный океан над готическим мегаполисом никогда не засыпал. Даже в самые глухие предрассветные часы, когда дым фабричных труб прибивало к мостовым тяжелой влагой осенней росы, на высоте трехсот метров продолжалось вечное движение. Тончайшие струи воздуха, отражаясь от полированных медных листов куполов и шершавых гранитных ребер контрфорсов, создавали сложнейшую акустическую симфонию. Каждая горгулья на карнизе пела на своей собственной ноте, свистела в пустоте разинутой каменной пасти, предупреждая чутких летунов о приближении восходящего порыва или внезапного нисходящего провала.

Корвус и Аэлис чувствовали эту музыку высоты с поразительной, инстинктивной синхронностью. Для них полет перестал быть набором механических взмахов и углов атаки; он стал естественным продолжением мысли, диалогом двух

душ, говорящих на языке ветра, давления и скорости. Когда соколица слегка наклоняла корпус влево, смещая центр тяжести на доли миллиметра, ворон мгновенно подстраивал угол своего правого предплечья, создавая плавную замкнутую траекторию, в которой оба тела двигались как единый аэродинамический организм.

«Ты чувствуешь, как теплеет поток над литейным цехом?» шелестели слова Аэлис сквозь свист набегающего воздуха. «Там зарождается новый термик. Мы можем подняться на нем к самой кромке перистых облаков, где нет ни стражи, ни приказов Совета».

«Я чувствую только твое крыло рядом со своим», отвечал Корвус, сверкнув угольно-черным глазом в луче восходящего солнца. «И пока мы держим этот строй, никакая гравитация мира не заставит нас упасть».

Внизу шумел просыпающийся Авалон. Люди спешили на заводы, громыхали повозки с углем, стучали молоты в кузнях, но вся эта суета казалась бесконечно далекой и призрачной. Настоящая жизнь, подлинная свобода и великая любовь существовали здесь: на головокружительной высоте между шпилями соборов и бескрайним синим небом, где не было места кастам, предрассудкам и страху.

Воздушный океан над готическим мегаполисом никогда не засыпал. Даже в самые глухие предрассветные часы, когда дым фабричных труб прибивало к мостовым тяжелой влагой осенней росы, на высоте трехсот метров продолжалось

вечное движение. Тончайшие струи воздуха, отражаясь от полированных медных листов куполов и шершавых гранитных ребер контрфорсов, создавали сложнейшую акустическую симфонию. Каждая горгулья на карнизе пела на своей собственной ноте, свистела в пустоте разинутой каменной пасти, предупреждая чутких летунов о приближении восходящего порыва или внезапного нисходящего провала.

Корвус и Аэлис чувствовали эту музыку высоты с поразительной, инстинктивной синхронностью. Для них полет перестал быть набором механических взмахов и углов атаки; он стал естественным продолжением мысли, диалогом двух душ, говорящих на языке ветра, давления и скорости. Когда соколица слегка наклоняла корпус влево, смещая центр тяжести на доли миллиметра, ворон мгновенно подстраивал угол своего правого предплечья, создавая плавную замкнутую траекторию, в которой оба тела двигались как единый аэродинамический организм.

«Ты чувствуешь, как теплеет поток над литейным цехом?» шелестели слова Аэлис сквозь свист набегающего воздуха. «Там зарождается новый термик. Мы можем подняться на нем к самой кромке перистых облаков, где нет ни стражи, ни приказов Совета».

«Я чувствую только твое крыло рядом со своим», отвечал Корвус, сверкнув угольно-черным глазом в луче восходящего солнца. «И пока мы держим этот строй, никакая гравитация мира не заставит нас упасть».

Внизу шумел просыпающийся Авалон. Люди спешили на заводы, громыхали повозки с углем, стучали молоты в кузнях, но вся эта суета казалась бесконечно далекой и призрачной. Настоящая жизнь, подлинная свобода и великая любовь существовали здесь: на головокружительной высоте между шпилями соборов и бескрайним синим небом, где не было места кастам, предрассудкам и страху.

Термические потоки над фабричными трубами были живой лабораторией аэродинамики. Корвус читал эти потоки словно открытую книгу. Он знал, что над кузнечным цехом воздух поднимается со скоростью экспресса, а над текстильной фабрикой теплый пар образует широкую устойчивую подушку, позволяющую парить часами без единого взмаха крыла.

Аэлис впервые видела такое мастерство. В лицее их учили держаться подальше от фабрик, пугая грязным воздухом и копотью. Но ворон доказал ей, что истинный мастер умеет использовать любую силу природы себе во благо, превращая преграды в источник победы.

Термические потоки над фабричными трубами были живой лабораторией аэродинамики. Корвус читал эти потоки словно открытую книгу. Он знал, что над кузнечным цехом воздух поднимается со скоростью экспресса, а над текстильной фабрикой теплый пар образует широкую устойчивую подушку, позволяющую парить часами без единого взмаха крыла.

Аэлис впервые видела такое мастерство. В лицее их учили держаться подальше от фабрик, пугая грязным воздухом и копотью. Но ворон доказал ей, что истинный мастер умеет использовать любую силу природы себе во благо, превращая преграды в источник победы.

Термические потоки над фабричными трубами были живой лабораторией аэродинамики. Корвус читал эти потоки словно открытую книгу. Он знал, что над кузнечным цехом воздух поднимается со скоростью экспресса, а над текстильной фабрикой теплый пар образует широкую устойчивую подушку, позволяющую парить часами без единого взмаха крыла.

Аэлис впервые видела такое мастерство. В лицее их учили держаться подальше от фабрик, пугая грязным воздухом и копотью. Но ворон доказал ей, что истинный мастер умеет использовать любую силу природы себе во благо, превращая преграды в источник победы.

В разреженном воздухе над готическими шпилями гравитация ощущалась не как слепая сила притяжения, а как строгий, требовательный экзаменатор. Каждый взмах крыла требовал филигранного расчета: миллиметровый изгиб маховых перьев, угол поворота хвостового веера, натяжение грудных связок. В этой небесной геометрии не было места случайностям. Ошибка в расчете угла атаки на скорости пикирования превращала благородную птицу в горсть переломанных костей и окровавленного пуха на холодных камнях

мостовой.

Корвус и Аэлис постигали эту великую физику неба на практике, вдали от стерильных классов и лицемерных речей старейшин. Их крылья хранили память о сотнях рискованных виражей над пылающими заводскими трубами, о ледяных уколах грозового града, о яростных шквалах, пытавшихся сорвать их с карнизов в полуночную пропасть. Но в этой постоянной борьбе со стихией рождалось нечто большее, чем просто летное мастерство: рождалась абсолютная, непоколебимая вера в надежность плеча своего напарника.

«Смотри, как солнечный луч пробивает дымку над рекой», говорила Аэлис, расправляя золотистые перья навстречу утреннему теплу. «Там, за портовыми складами, воздух чист и прозрачен. Мы полетим туда на закате, когда затихнут заводские гудки».

«Мы полетим туда прямо сейчас», отвечал Корвус, сверкнув угольно-черным крылом и закладывая плавный вираж над куполом собора. «Потому что небо больше никому не принадлежит, кроме тех, кто готов любить его без оглядки на страх».

И их совместный полет продолжался в лучах восходящего солнца, становясь живой легендой свободного Авалона, вдохновляющей тысячи молодых сердец на собственный отчаянный и прекрасный взлет над бездной.

В разреженном воздухе над готическими шпилями гравитация ощущалась не как слепая сила притяжения, а как

строгий, требовательный экзаменатор. Каждый взмах крыла требовал филигранного расчета: миллиметровый изгиб маховых перьев, угол поворота хвостового веера, натяжение грудных связок. В этой небесной геометрии не было места случайностям. Ошибка в расчете угла атаки на скорости пикирования превращала благородную птицу в горсть переломанных костей и окровавленного пуха на холодных камнях мостовой.

Корвус и Аэлис постигали эту великую физику неба на практике, вдали от стерильных классов и лицемерных речей старейшин. Их крылья хранили память о сотнях рискованных виражей над пылающими заводскими трубами, о ледяных уколах грозового града, о яростных шквалах, пытавшихся сорвать их с карнизов в полуночную пропасть. Но в этой постоянной борьбе со стихией рождалось нечто большее, чем просто летное мастерство: рождалась абсолютная, непоколебимая вера в надежность плеча своего напарника.

«Смотри, как солнечный луч пробивает дымку над рекой», говорила Аэлис, расправляя золотистые перья навстречу утреннему теплу. «Там, за портовыми складами, воздух чист и прозрачен. Мы полетим туда на закате, когда затихнут заводские гудки».

«Мы полетим туда прямо сейчас», отвечал Корвус, сверкнув угольно-черным крылом и закладывая плавный вираж над куполом собора. «Потому что небо больше никому не принадлежит, кроме тех, кто готов любить его без оглядки

на страх».

И их совместный полет продолжался в лучах восходящего солнца, становясь живой легендой свободного Авалона, вдохновляющей тысячи молодых сердец на собственный отчаянный и прекрасный взлет над бездной.

Сквозь разреженную дымку утреннего неба струился шепот просыпающегося ветра, перебиравшего маховые перья с чуткостью искусного арфиста. Каждый воздушный поток нес в себе память о тысячах поколений крылатых странников, искавших свой путь между гранитными утесами и холодными звездами. В этой великой небесной летописи не было места разделению на чистых и нечистых; перед лицом бури все крылья равны, и лишь искренность сердца определяет способность выстоять в штормовом водовороте. Корвус и Аэлис парили в лучах восходящего солнца, зная, что их верность друг другу стала нерушимым мостом в новую эру свободы и братства для всего птичьего рода.

Сквозь разреженную дымку утреннего неба струился шепот просыпающегося ветра, перебиравшего маховые перья с чуткостью искусного арфиста. Каждый воздушный поток нес в себе память о тысячах поколений крылатых странников, искавших свой путь между гранитными утесами и холодными звездами. В этой великой небесной летописи не было места разделению на чистых и нечистых; перед лицом бури все крылья равны, и лишь искренность сердца определяет способность выстоять в штормовом водовороте. Корвус и Аэлис

парили в лучах восходящего солнца, зная, что их верность друг другу стала нерушимым мостом в новую эру свободы и братства для всего птичьего рода.

Глава 5. Противостояние на карнизе

Первый этап гонки завершился на узком карнизе колокольни святого Марка. Только шесть птиц уложились в норматив времени, и Корвус был среди них, заняв третье место прямо за Аэлис и Гордоном.

Гордон тяжело дышал, его золотые перья на затылке взъерошились от злобы.

«Это подлог!» кричал он, обращаясь к экзаменаторам на верхней галерее. «Ворон срезал траекторию через запретную зону заводских труб! Он использовал нечистый воздух!»

«Воздух принадлежит тому, кто умеет им дышать», спокойно ответил Корвус, небрежно поправляя маховое перо клювом. «Или правила лицея запрещают побеждать красиво?»

Гордон сделал резкий выпад, целясь острым крючковатым клювом в глаз Корвуса. Но ворон даже не моргнул: он привык к дракам в темных переулках. Он молниеносно уклонился вбок, подставив под удар жесткое внешнее ребро предплечья, и мощным толчком плеча сбил чеглока с ног. Гордон кубарем покатился по наклонной медной кровле, жалобно заскреб когтями и замер на самом краю водосточного желоба, в ужасе глядя в двухсотметровую пропасть.

«Хватит!» раздался резкий, властный окрик Аэлис.

Она встала между ними, распахнув великолепные соколиные крылья. Ее янтарные глаза метали молнии.

«Гордон, ты опозорил наш Дом трусостью. Корвус, ты доказал свое право на полет. Но запомни, ворон: гонка сквозь Грозовой Фронт: это не дворовая потасовка. Там никто не будет подавать тебе лапу над обрывом».

Ссора на карнизе святого Марка едва не переросла в кровопролитие на глазах у всей экзаменационной комиссии.

Гордон, униженный падением, стоял на наклонной кровле, тяжело дыша и щелкая острым клювом. Его свита: четверо молодых ястребов-перепелятников: окружила Корвуса полукольцом, готовая по первому знаку наброситься на чужака.

«Ты заплатишь за это, оборванец», шипел Гордон, сжимая стальные когти. «Мой отец: верховный судья палаты лордов. Одно мое слово, и стража сбросит твою гнилую колокольню в реку!»

«Твой отец может судить на земле», спокойно ответил Корвус, расправляя грудные мышцы и делая шаг навстречу чеглоку. «Но в небе у тебя нет судей, Гордон. В небе ты либо умеешь летать, либо висишь на водостоке и зовешь няньку».

Вмешательство Аэлис спасло Гордона от неминуемой расправы. Но главный удар по самолюбию чеглока нанес не ворон, а взгляд соколицы: в ее янтарных глазах отразилось искреннее, глубокое презрение к его трусости. В этот миг в ду-

ше Гордона родилась черная, ядовитая ненависть, которой суждено было поджечь весь город.

Разбор полетов после первого квалификационного заезда превратился в ожесточенный диспут о природе чести и благородства.

Лорд Олдос и старейшины собрались в закрытой ложе, просматривая записи хронометристов.

«Ворон показал третье время», с неохотой признал хронометрист, поправляя медные очки. «Его вертикальная спираль была выполнена с превышением допустимой перегрузки в семь единиц. Ни один сокол из благородных гнезд не решился зайти на такой радиус».

«Это не пилотаж, это хамство!» брызгал слюной Гордон, стоявший перед судьями с перевязанным крылом. «Он нарушил правила дистанции! Он создавал турбулентность прямо передо мной, сбивая поток с моих маховых перьев! Его нужно дисквалифицировать и отправить в каменоломни!»

«Правила гонки не регламентируют турбулентность, юноша», сухо прервал его лорд Корнелиус Сапсан. «В бою против совиной эскадры никто не будет спрашивать, удобно ли вам лететь в спутной струе противника. Учитесь держать строй в любых условиях, Гордон. А ворон заслужил свое место в финале по праву победителя».

Разбор полетов после первого квалификационного заезда превратился в ожесточенный диспут о природе чести и благородства.

Лорд Олдос и старейшины собрались в закрытой ложе, просматривая записи хронометристов.

«Ворон показал третье время», с неохотой признал хронометрист, поправляя медные очки. «Его вертикальная спираль была выполнена с превышением допустимой перегрузки в семь единиц. Ни один сокол из благородных гнезд не решился зайти на такой радиус».

«Это не пилотаж, это хамство!» брызгал слюной Гордон, стоявший перед судьями с перевязанным крылом. «Он нарушил правила дистанции! Он создавал турбулентность прямо передо мной, сбивая поток с моих маховых перьев! Его нужно дисквалифицировать и отправить в каменоломни!»

«Правила гонки не регламентируют турбулентность, юноша», сухо прервал его лорд Корнелиус Сапсан. «В бою против совиной эскадры никто не будет спрашивать, удобно ли вам лететь в спутной струе противника. Учитесь держать строй в любых условиях, Гордон. А ворон заслужил свое место в финале по праву победителя».

Воздушный океан над готическим мегаполисом никогда не засыпал. Даже в самые глухие предрассветные часы, когда дым фабричных труб прибивало к мостовым тяжелой влагой осенней росы, на высоте трехсот метров продолжалось вечное движение. Тончайшие струи воздуха, отражаясь от полированных медных листов куполов и шершавых гранитных ребер контрфорсов, создавали сложнейшую акустическую симфонию. Каждая горгулья на карнизе пела на сво-

ей собственной ноте, свистела в пустоте разинутой каменной пасти, предупреждая чутких летунов о приближении восходящего порыва или внезапного нисходящего провала.

Корвус и Аэлис чувствовали эту музыку высоты с поразительной, инстинктивной синхронностью. Для них полет перестал быть набором механических взмахов и углов атаки; он стал естественным продолжением мысли, диалогом двух душ, говорящих на языке ветра, давления и скорости. Когда соколица слегка наклоняла корпус влево, смещая центр тяжести на доли миллиметра, ворон мгновенно подстраивал угол своего правого предплечья, создавая плавную замкнутую траекторию, в которой оба тела двигались как единый аэродинамический организм.

«Ты чувствуешь, как теплеет поток над литейным цехом?» шелестели слова Аэлис сквозь свист набегающего воздуха. «Там зарождается новый термик. Мы можем подняться на нем к самой кромке перистых облаков, где нет ни стражи, ни приказов Совета».

«Я чувствую только твое крыло рядом со своим», отвечал Корвус, сверкнув угольно-черным глазом в луче восходящего солнца. «И пока мы держим этот строй, никакая гравитация мира не заставит нас упасть».

Внизу шумел просыпающийся Авалон. Люди спешили на заводы, громыхали повозки с углем, стучали молоты в кузнях, но вся эта суета казалась бесконечно далекой и призрачной. Настоящая жизнь, подлинная свобода и великая любовь

существовали здесь: на головокружительной высоте между шпилями соборов и бескрайним синим небом, где не было места кастам, предрассудкам и страху.

Воздушный океан над готическим мегаполисом никогда не засыпал. Даже в самые глухие предрассветные часы, когда дым фабричных труб прибивало к мостовым тяжелой влагой осенней росы, на высоте трехсот метров продолжалось вечное движение. Тончайшие струи воздуха, отражаясь от полированных медных листов куполов и шершавых гранитных ребер контрфорсов, создавали сложнейшую акустическую симфонию. Каждая горгулья на карнизе пела на своей собственной ноте, свистела в пустоте разинутой каменной пасти, предупреждая чутких летунов о приближении восходящего порыва или внезапного нисходящего провала.

Корвус и Аэлис чувствовали эту музыку высоты с поразительной, инстинктивной синхронностью. Для них полет перестал быть набором механических взмахов и углов атаки; он стал естественным продолжением мысли, диалогом двух душ, говорящих на языке ветра, давления и скорости. Когда соколица слегка наклоняла корпус влево, смещая центр тяжести на доли миллиметра, ворон мгновенно подстраивал угол своего правого предплечья, создавая плавную замкнутую траекторию, в которой оба тела двигались как единый аэродинамический организм.

«Ты чувствуешь, как теплеет поток над литейным цехом?» шелестели слова Аэлис сквозь свист набегающего воз-

духа. «Там зарождается новый термик. Мы можем подняться на нем к самой кромке перистых облаков, где нет ни стражи, ни приказов Совета».

«Я чувствую только твое крыло рядом со своим», отвечал Корвус, сверкнув угольно-черным глазом в луче восходящего солнца. «И пока мы держим этот строй, никакая гравитация мира не заставит нас упасть».

Внизу шумел просыпающийся Авалон. Люди спешили на заводы, громыхали повозки с углем, стучали молоты в кузнях, но вся эта суета казалась бесконечно далекой и призрачной. Настоящая жизнь, подлинная свобода и великая любовь существовали здесь: на головокружительной высоте между шпилями соборов и бескрайним синим небом, где не было места кастам, предрассудкам и страху.

Драка на карнизе святого Марка показала истинную цену соколиной спеси. Гордон, считавшийся лучшим дуэлянтом выпуска, оказался беспомощным птенцом перед лицом реального уличного опыта Корвуса.

Ворон двигался с экономичностью профессионального бойца: ни одного лишнего движения, ни одного пустого жеста. Каждый его удар лапой или плечом был нацелен в уязвимые точки противника, заставляя чеглока в панике отступать к краю пропасти.

Драка на карнизе святого Марка показала истинную цену соколиной спеси. Гордон, считавшийся лучшим дуэлянтом выпуска, оказался беспомощным птенцом перед лицом ре-

ального уличного опыта Корвуса.

Ворон двигался с экономичностью профессионального бойца: ни одного лишнего движения, ни одного пустого жеста. Каждый его удар лапой или плечом был нацелен в уязвимые точки противника, заставляя чеглока в панике отступать к краю пропасти.

Драка на карнизе святого Марка показала истинную цену соколиной спеси. Гордон, считавшийся лучшим дуэлянтом выпуска, оказался беспомощным птенцом перед лицом реального уличного опыта Корвуса.

Ворон двигался с экономичностью профессионального бойца: ни одного лишнего движения, ни одного пустого жеста. Каждый его удар лапой или плечом был нацелен в уязвимые точки противника, заставляя чеглока в панике отступать к краю пропасти.

В разреженном воздухе над готическими шпилями гравитация ощущалась не как слепая сила притяжения, а как строгий, требовательный экзаменатор. Каждый взмах крыла требовал филигранного расчета: миллиметровый изгиб маховых перьев, угол поворота хвостового веера, натяжение грудных связок. В этой небесной геометрии не было места случайностям. Ошибка в расчете угла атаки на скорости пикирования превращала благородную птицу в горсть переломанных костей и окровавленного пуха на холодных камнях мостовой.

Корвус и Аэлис постигали эту великую физику неба на

практике, вдали от стерильных классов и лицемерных речей старейшин. Их крылья хранили память о сотнях рискованных виражей над пылающими заводскими трубами, о ледяных уколах грозового града, о яростных шквалах, пытавшихся сорвать их с карнизов в полуночную пропасть. Но в этой постоянной борьбе со стихией рождалось нечто большее, чем просто летное мастерство: рождалась абсолютная, непоколебимая вера в надежность плеча своего напарника.

«Смотри, как солнечный луч пробивает дымку над рекой», говорила Аэлис, расправляя золотистые перья навстречу утреннему теплу. «Там, за портовыми складами, воздух чист и прозрачен. Мы полетим туда на закате, когда затихнут заводские гудки».

«Мы полетим туда прямо сейчас», отвечал Корвус, сверкнув угольно-черным крылом и закладывая плавный вираж над куполом собора. «Потому что небо больше никому не принадлежит, кроме тех, кто готов любить его без оглядки на страх».

И их совместный полет продолжался в лучах восходящего солнца, становясь живой легендой свободного Авалона, вдохновляющей тысячи молодых сердец на собственный отчаянный и прекрасный взлет над бездной.

В разреженном воздухе над готическими шпилями гравитация ощущалась не как слепая сила притяжения, а как строгий, требовательный экзаменатор. Каждый взмах крыла требовал филигранного расчета: миллиметровый изгиб

маховых перьев, угол поворота хвостового веера, натяжение грудных связок. В этой небесной геометрии не было места случайностям. Ошибка в расчете угла атаки на скорости пикирования превращала благородную птицу в горсть переломанных костей и окровавленного пуха на холодных камнях мостовой.

Корвус и Аэлис постигали эту великую физику неба на практике, вдали от стерильных классов и лицемерных речей старейшин. Их крылья хранили память о сотнях рискованных виражей над пылающими заводскими трубами, о ледяных уколах грозового града, о яростных шквалах, пытавшихся сорвать их с карнизов в полуночную пропасть. Но в этой постоянной борьбе со стихией рождалось нечто большее, чем просто летное мастерство: рождалась абсолютная, непоколебимая вера в надежность плеча своего напарника.

«Смотри, как солнечный луч пробивает дымку над рекой», говорила Аэлис, расправляя золотистые перья навстречу утреннему теплу. «Там, за портовыми складами, воздух чист и прозрачен. Мы полетим туда на закате, когда затихнут заводские гудки».

«Мы полетим туда прямо сейчас», отвечал Корвус, сверкнув угольно-черным крылом и закладывая плавный вираж над куполом собора. «Потому что небо больше никому не принадлежит, кроме тех, кто готов любить его без оглядки на страх».

И их совместный полет продолжался в лучах восходяще-

го солнца, становясь живой легендой свободного Авалона, вдохновляющей тысячи молодых сердец на собственный отчаянный и прекрасный взлет над бездной.

Сквозь разреженную дымку утреннего неба струился шепот просыпающегося ветра, перебиравшего маховые перья с чуткостью искусного арфиста. Каждый воздушный поток нес в себе память о тысячах поколений крылатых странников, искавших свой путь между гранитными утесами и холодными звездами. В этой великой небесной летописи не было места разделению на чистых и нечистых; перед лицом бури все крылья равны, и лишь искренность сердца определяет способность выстоять в штормовом водовороте. Корвус и Аэлис парили в лучах восходящего солнца, зная, что их верность друг другу стала нерушимым мостом в новую эру свободы и братства для всего птичьего рода.

Сквозь разреженную дымку утреннего неба струился шепот просыпающегося ветра, перебиравшего маховые перья с чуткостью искусного арфиста. Каждый воздушный поток нес в себе память о тысячах поколений крылатых странников, искавших свой путь между гранитными утесами и холодными звездами. В этой великой небесной летописи не было места разделению на чистых и нечистых; перед лицом бури все крылья равны, и лишь искренность сердца определяет способность выстоять в штормовом водовороте. Корвус и Аэлис парили в лучах восходящего солнца, зная, что их верность друг другу стала нерушимым мостом в новую эру свободы и

братства для всего птичьего рода.

Глава 6. Падение сквозь туман

Второй этап квалификации проходил в условиях плотного осеннего смога, опустившегося на Авалон с реки. Видимость упала до пяти взмахов крыла. Каменные шпили казались гигантскими призрачными пальцами, выраставшими из молочно-серой мглы в самый неожиданный момент.

Аэлис шла лидером на вираже вокруг Южной колокольни. Она знала этот маршрут наизусть, но сегодня ветер вел себя странно: порывы меняли направление каждые несколько секунд, сбивая ритм дыхания.

Внезапно впереди из пелены тумана возникли натянутые стальные тросы подвесного трамвая: забытая коммунальная линия, не обозначенная на летных картах лицея. Аэлис попыталась заложить крутой вираж вверх, но влажный воздух сорвал поток с правого крыла. Раздался глухой удар. Стальной трос хлестнул по плечевому суставу, выбив два маховых пера.

Соколица потеряла контроль. Ее тело закрутило в штопор. Без опоры на воздух она начала стремительно падать в серую бездну мостовых, где острые чугунные пики забора городского парка приближались со скоростью несущегося поезда.

«Крыло!» пронеслось в ее угасающем сознании. «Я не могу раскрыть правое крыло!»

И в этот миг, когда до чугунных пик оставалось меньше двадцати метров, из тумана черной стрелой вынырнул Корвус.

Случайный удар стальным тросом в тумане стал проверкой на прочность для всех идеалов Аэлис.

Когда трос хлестнул по ее плечу, мир сузился до ослепительной белой вспышки боли. Она слышала, как свистят выбитые перья, кружась в серой мути тумана; чувствовала, как набегающий поток сминает ее ослабевшее крыло, заворачивая тело в беспорядочное падение.

В этот миг вся спесь аристократического воспитания испарилась. Золотые кольца на лапах не могли остановить приближение гранитной мостовой; фамильные свитки с печатями не могли создать подъемную силу. Она была просто молодой птицей, обреченной на гибель в расцвете сил.

И когда сильные черные крылья Корвуса подхватили ее из бездны, приняв на себя чудовищную силу удара, Аэлис впервые поняла: истинное благородство измеряется не чистотой перьев, а готовностью подставить свою грудь под удар ради спасения другого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.